

исчерпан, и византинисты-египтологи пока не столкнулись с проблемами своих коллег, изучающих другие провинции или империю в целом. Сегодняшняя методика исследования византийского Египта все еще эксплуатирует по преимуществу описательный метод.

Наконец, еще одним направлением изучения финансов ранней Византии, которое оперирует и соответствующим набором методов, необходимо признать социально-экономическое направление. Особенность его состоит в том, что о финансах непосредственно данное направление предпочитает не распространяться, ограничиваясь в лучшем случае рассмотрением общих тенденций таких имеющих отношение к финансам вопросов, как налоговая политика, аграрная политика, войны и народные движения.

Простое перечисление общеупотребительных методов и исследовательских направлений приводит в свете обозначившегося (не только в отечественной, но и в зарубежной исторической науке) так называемого методологического кризиса к выводу о возможности обнаружить резервы для дальнейшего исследования даже традиционных тем. По сути дела, необходимо вести речь не о кризисе, а об опасении кризиса, о страхе перед необходимостью изыскивать новые подходы. Думается, что данная проблема, – то есть проблема обновления методологии – не столько историческая, сколько философская или даже философско-психологическая, так как пересмотр прежних методов исследовательского процесса предполагает наличие особого

психологического настроя. В данной связи единственным выходом видится изменение отношения к понятию «конформизм».

Что касается предложенных новых подходов к изучению темы финансов ранней Византии, то нужно отметить, что большинство из них не требует самоотверженности и психологических затрат, поскольку, как уже говорилось, основывается на традиционной для XX века методологии, не претендуя на коренные ее изменения.

Наконец, последнее. Единственным по настоящему «революционным» из числа предложенных новых методов, можно назвать методику прямого пересмотра тех положений и явлений, которые в современной науке либо считаются полностью изученными, либо признаются за аксиому. Такой подход отдаёт в известной степени нигилизмом, но при отсутствии других новшеств вполне может быть опробован и способен после ряда неудачных попыток преподнести некий положительный результат, особенно если осуществлять подобную «ревизию» устоявшихся «истин» вместе с другими, названными выше методами.

Таким образом, отход от традиционной методики (и даже методологии) не обязательно должен сопровождаться опасением надвигающегося методологического коллапса. Всякая методика обязательно должна обновляться, а в основе обновления должно находиться более гибкое, хотя и, без сомнения, рационалистическое отношение к накопленному опыту.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНО-БРИТАНСКОГО МОРСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА

**С.Н. Синегубов,
г. Ишим, Российская Федерация**

Проблема германо-британского морского соперничества начала XX в. получила отражение в исследованиях многих европейских ученых. Особый вклад в ее изучение сделали англоязычные историки. Уже в годы Первой мировой войны, в 1916 г., из печати вышла книга У. Ньюбольда «Как Европа вооружалась к войне» [1]. В 1923 г. она была переведена на русский язык. Одним из достоинств ее являлось подробное рассмотрение вопросов гонки морских вооружений. Как доказал историк, ещё с конца 80-х гг. XIX в. британское государство в интересах военно-промышленных фирм встало на путь резкого усиления флота, запустив, таким образом, маховик соперничества на море. Чуть позже к этому процессу присоединилась Германия, чья флотская политика также осуществлялась в интересах промышленных магнатов.

Большой резонанс в научном мире вызвала книга Е.Л. Вудворда «Великобритания и германский флот», появившаяся в 1935 г. [2]. Ученый использовал все доступные на то время (как опубликованные, так и

неопубликованные) источники, периодические издания. Хотя нужно признать, что документы военно-морского ведомства, касающиеся морских программ начала XX в., для него были недоступны. Тем не менее, труд получился не только объемным, но и доказательным. Он содержал суждения о многих аспектах англо-германского морского соперничества – от международных кризисов до характеристик общественного мнения. Последнее, как показал историк, находилось под влиянием флотской проблемы. В то же время настроение общества оказывало негативное воздействие на развитие двухсторонних отношений, связанных с военно-морским строительством. По мнению историка, самые влиятельные члены военно-политического руководства Германии, прежде всего Вильгельм II и А. Тирпиц, считали войну неизбежным делом и на переговорах с Англией преследовали цель расколоть Антанту. За свой отказ от осуществляемого темпа флотского строительства немцы требовали слишком высокую и нереальную в тех условиях политическую

цену - абсолютный нейтралитет Великобритании в европейской войне. Историк полагал, что договоренность между Лондоном и Берлином была бы возможна, если бы немцы проявили достаточную гибкость. Поэтому вина за трагическую развязку в военно-морском соперничестве, по убеждению исследователя, лежит исключительно на немцах.

Из довоенных изданий, в которых специально рассматривался вопрос морского соперничества между Германией и Англией, можно назвать ещё книги Р.Х. Бэкона[3]. Если не останавливаться на частностях, то в целом можно сказать, что они также написаны с позиций оправдания действий либерального правительства и первого морского лорда Адмиралтейства Дж. Фишера конкретно. При этом Р.Х. Бэкон традиционно возлагал на немецкую сторону ответственность за обострение военно-морских противоречий между двумя государствами. Заслуга исследователя состоит в том, что он один из первых в английской историографии обратился к анализу жизни Дж. Фишера, сформировавшего в британской морской политике особую «эру Фишера».

Значительным явлением в англоязычной историографии стало создание капитальных трудов американца А. Мардера [4]. В них он проводит мысль о том, что усиление британской флотской политики, особенно в период «эры Фишера», явилось почти вынужденной мерой. Это стало ответом на морской вызов, брошенный Англии со стороны военно-политического руководства Германии во главе с кайзером Вильгельмом II и Тирпицем. В этих обстоятельствах британцы в интересах своей национальной безопасности вынуждены были прибегнуть к усилению морской мощи. Есть основания утверждать, что исследования А. Мардера написаны с проанглийских позиций. Вместе с тем книги содержат интересный и большой фактический материал о морском соперничестве двух стран, который был ранее малоизвестен.

С 1960-х гг. историки получили доступ к военно-морским документам Германии, оказавшимся в руках союзников после Второй мировой войны. Кроме того, для них открылись двери архива британского Адмиралтейства, что способствовало началу всестороннего исследования различных аспектов англо-германского морского соперничества и быстрому появлению целой серии новых работ по этой теме. Среди них оказались особенно заметны труды Дж. Стейнберга [5]. В них обосновывался тезис об антианглийской направленности флотской политики Германии с конца 90-х гг. XX в. Поэтому, по мнению ученого, движение Европы к военной катастрофе началось уже в 1897 г., когда Тирпиц стал главой военно-морского ведомства. Британское политическое руководство, несмотря на призывы Фишера осуществить «копенгагирование немецкого флота», попыталось в 1904-1912 гг. урегулировать «германскую морскую угрозу» мирным путем. Однако эти усилия закончились провалом, прежде всего, по вине немцев.

Тема стратегических морских планов Дж. Фишера стала одной из обсуждаемых на страницах

англоязычных изданий в конце 60-х - в 90-е гг. XX в. Высказанное С. Р. Уильямсоном положение о том, что Фишер подчинил все стратегические планы Адмиралтейства решению только «германской проблемы» в ущерб англо-французскому военному взаимодействию[6], вызвало возражение у историков. Дж. Сумида в своих трудах [7], ссылаясь на многочисленные документы, доказывал, что стратегическое планирование Дж. Фишера, в той форме, в которой оно осуществлялось, являлось обоснованным. Более того, оно, в условиях резкого флотского противостояния с Германией, было просто необходимым. Если бы Фишер не предпринимал указанных действий, то Великобритании в последующем пришлось бы расплачиваться за недальновидность своей политики более высокой ценой.

Много рассуждений о военно-политической значимости деятельности первого морского лорда Адмиралтейства можно найти в работах Н. Ламберта [8]. Исследователь называет флотскую политику Фишера «революцией». Главным внешним фактором, вызвавшим ее к жизни, стала военносудостроительная программа Тирпица. В Лондоне увидели в действиях немцев угрозу британскому морскому могуществу. Поэтому в Адмиралтействе прилагали все усилия, чтобы поддерживать достаточное превосходство английского флота над германским. Определяющим элементом стратегии Фишера, как показывает историк, являлось наступление. Тем не менее, первый морской лорд рассматривал варианты, связанные с формированием так называемой «оборонной флотилии». основополагающие принципы морской политики были сохранены и после его ухода из Адмиралтейства. Ученый наглядно показал это на примере характеристики флотских мероприятий в 1913-1914 гг.

Хорошим дополнением к размышлениям о деятельности Фишера служит книга Р. Ф. Маккея [9]. В ней наряду с оценками профессиональных качеств приводится немало биографических фактов, которые показывают его как человека со своими достоинствами и недостатками.

На конец 70-х - начало 80-х гг. XX в. приходится научная активность известного американского историка П. М. Кеннеди. Центром его изысканий становится широкий круг вопросов англо-германских отношений конца XIX- начала XX вв.[10]. Автор считает, что морская политика Тирпица носила агрессивный характер и направлялась против Англии. Это, по его мнению, являлось стратегической ошибкой, учитывая экономический и военный потенциал Великобритании. Однако действия немецкого военно-морского министра диктовались не столько его личными амбициями, сколько интересами промышленно-финансовых групп Германии. Именно экономические противоречия делали невозможным союз между двумя государствами и лежали в основе начавшейся между двумя странами гонки морских вооружений. Все это, с учетом быстро растущего военно-технического прогресса, неизбежно должно было привести к войне.

Большой вклад в изучение германской морской политики рубежа XIX и XX вв. внес канадский ученый И.Н. Ламби [11]. Он тщательным образом проработал документы штаба Адмиралтейства в военном архиве г. Фрайбурга. На основании этих и других материалов ученый сумел создать объемную и детально прописанную картину не только внешней политики кайзеровской Германии, но и военных планов ее морских стратегов в период 1862-1914 г. Как показал историк, по мере роста мощи немецкого флота менялись и его оперативно-стратегические планы. Особенно это заметным образом проявилось после 1908 г., когда была принята очередная флотская новелла.

Среди работ англоязычных историков большой интерес представляют исследования американского ученого П. Келли [12]. Он имел возможность работать в фондах военного архива г. Фрайбурга и изучать деятельность Тирпица в его «доминистерский» период и на этапе 1897-1916 г. В результате ученый проанализировал размышления «отца германского флота» по вопросам стратегии и тактики будущего германского линейного флота, оценил его вклад в развитие торпедного дела.

Из последних работ англоязычной историографии заслуживает внимание труд норвежского историка Р. Хобсона, увидевший свет в 2002 г. [13]. В нем подробно изучается такое явление, как морской империализм рубежа веков в странах Европы. Главный тезис, защищаемый ученым, сводится к тому, что план Тирпица не являлся каким-то феноменом, вызванным к жизни исключительно специфическими особенностями государственной, экономической, политической и военной жизни немецкой нации. Точно такие же морские проекты, но с определенными нюансами, создавали и англичане, и французы, итальянцы, австрийцы, то есть это явление было общим и характерным. Работа Р. Хобсона вызвала неоднозначную реакцию в научном мире. Это неудивительно, учитывая, что господствующей точкой зрения является та, согласно которой план Тирпица - порождение именно германского империализма с его особыми чертами.

Подводя итог краткому обзору англоязычной историографии, можно выделить несколько ее характерных черт. Историки Великобритании, США, Канады и некоторых других стран уделили самое пристальное внимание проблеме морского соперничества Германии и Англии в первом десятилетии XX в. Особенно интенсивно велись исследования с начала 60-х гг. XX столетия. Ученые тщательным образом изучили целый ряд традиционных вопросов, поднимавшихся в период 20-40-х гг., и обозначили новые проблемы. В частности, освещены такие аспекты, как характер флотской политики двух государств, военно-политические и идейно-теоретические истоки плана Тирпица, его воплощение в жизнь и реакция на это Англии. Одной из центральных являлась тема оперативных и стратегических военно-морских разработок штаба Адмиралтейства на разных этапах

развития германских военно-морских сил. Всестороннее рассмотрение в статьях и книгах получили вопросы морской стратегии Фишера в 1904-1910 гг., его проекты превентивной войны против немцев.

Примечания

1. Ньюбольд У. Как Европа вооружалась к войне. М., 1923.
2. Woodward E.L. Great Britain and the German Navy. Oxford, 1935.
3. Bacon R.H. The life of Lord Fisher of Kilverstone. Vol. 1-2. London, 1929; Bacon R. H. From 1900 Onwards. London, 1940.
4. Marder A. Anatomy of British sea power - A History of British naval policy in the preDreadnought era 1880-1905. New York, 1940; Marder A. From the Dreadnought to Scapa Flow - The Royal Navy in the Fisher era. 5 Vol. London, 1961.
5. Steinberg J.A. Yesterday's Deterrent: Tirpitz and birth of German battle fleet. London, 1965; Steinberg J. A. Der «Kopengagen-Komplex // Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History». H. 3. Munchen, 1967. S. 31-59; Steinberg J. A. Diplomatie als Wille und Vorstellung. Die Berliner Mission Lord Haldane im Februar 1912 // Marine und Marinepolitik im Kaiserlichen Deutschland 1871-1914. Dusseldorf, 1972. S. 263-282; Steinberg J.A. German plan for the invasion of Holland and Belgium // The War Plans of the Great Powers. 1880-1914 / ed. by P.M. Kennedy. London; Boston, 1979. P. 155-170.
6. Williamson S.R. The politics of grand strategy. Britain and France prepare for war 1904-1914. Cambridge, 1969.
7. Sumida J.T. In Defence of naval supremacy. Finance, technology and British naval policy 1889-1914. Boston, 1989; Sumida J.T. British naval administration and policy in age of Fisher // The Journal of Military History. 1990. (54). P. 1-26.; Sumida J. T. Sir John Fisher and the Dreadnought: sources of naval mythology // The Journal of Military History. 1995. (59). P. 619-638.
8. Lambert N. Sir John Fisher's Naval Revolution. Columbia, 1999; Lambert N. Admiral Sir John Fisher and concept of fleet defence. 1904-1909 // Journal of Military History. 1995. (59). P. 630-660; Lambert N. British naval policy. 1913-1914: Financial limitation and strategic revolution // Journal of Modern History. 1995. (67). P. 595-626.
9. Mackay R.F. Fisher of Kilverstone. Oxford, 1973.
10. Kennedy P. M. The Development of German naval operations plans against England 1896-1914 // The War Plans of the Great Powers. 1880-1914 / ed. by P. M. Kennedy. London; Boston, 1979. P. 171-198; Kennedy P.M. Fischer and Tirpitz compared // Kennedy P. M. Strategy and Diplomacy. London, 1983. P. 109-126; Kennedy P. M. German world policy and alliance negotiations with England. 1897-1900 // Journal of Modern History. 1973. № 45. P. 605-625; Kennedy P. M. Tirpitz, England, and the second navy law of 1900: a strategical critique // Militargeschichtliche Mitteilungen. 1970. (8). S. 33-57; Kennedy P.M. Arms races and causes of war. 1850-1945 // Kennedy P.M. Strategy and

Diplomacy 1870-1945. London, 1983. P. 163-177; Kennedy P.M. Strategic aspects of Anglo-German naval race // Kennedy P.M. Strategy and Diplomacy 1870-1945. London, 1983. P. 127-160.

11. Lambi I.N. The Navy and German power politics. 1862-1914. London, 1984.

12. Kelly P.J. Strategy, tactics, and turf wars: Tirpitz and the Oberkommando der Marine, 1892-1895. Annapolis, 1997; Kelly P. J. Tirpitz and Development of the German torpedo arm. Annapolis, 1998.

13. Hobson R. Imperialism at sea. Naval strategic thought, the ideology of sea power and the Tirpitz-Plan. 1875-1914. Boston, 2002.

«КОЛОНИАЛЬНАЯ ГОРЯЧКА» ГЕРМАНИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (1884-1885 гг.)

**А.Д. Попов,
г. Ишим, Российская федерация**

Изучение позиции России по важнейшим вопросам европейской политики конца XIX в. будет не полным без освещения общественного мнения страны. Оно, несомненно, влияло на действие властей, а, следовательно, учитывалось при оформлении официальной внешнеполитической линии государства. Одной из обсуждаемых тем в европейской политике в первой половине 80-х гг. XIX в. стала начавшаяся колониальная экспансия кайзеровской Германии, которая позже других мировых держав приступила к захвату «заморских территорий». В этой связи представляется важным выяснение политически разнонаправленных настроений слоев российского общества к этому процессу. Из всего спектра мнений и суждений вызывает интерес его либеральная составляющая не столько в силу ее какого-либо значимого воздействия на российский истеблишмент, сколько по причине сближения по этой позиции России и Европы.

Одним из главных рупоров либеральных настроений в российском обществе был петербургский журнал «Вестник Европы», который всегда отличался точностью и одновременно литературной образностью своих оценок внешнеполитических событий, происходящих на европейском континенте и далеко за его пределами. Так в 1884 г. в издании отмечалось: «Колониальная горячка положительно овладела немецким обществом и немецкой печатью. Забыта даже вражда к французам; немцы готовы примириться с ними для выполнения новой политической программы» [4, с. 392-393]. Яркий эпитет подобран не случайно: именно в 1884-1885 гг. будет заложен фундамент крупнейшей, третьей в мире, после Англии и Франции, колониальной империи.

Несмотря на то, что в отечественной историографии о новых приобретениях Германии написано немало [17; 21; 22; 23], некоторые аспекты, тем не менее, не получили должного освещения. К ним относится и восприятие журналистами «Вестника Европы» так называемой «колониальной горячки». Например, в новейшей диссертации А.М. Ипатова - «Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX - начале XX века», в объемном списке источников, отсутствуют ссылки на

номера журнала за 1884-1885 годы [15]. В работе А.С. Юртаева «Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871-1890 гг. в отражении общественного мнения России», акцент делается на 70-е годы; а в автореферате, нет ни слова о колониальной политике Германии [24]. Все это показывает необходимость изучения данного сюжета истории.

Первое упоминание о колониальных успехах Германии содержится в четвертом томе журнала за июль 1884 г. Лаконичная заметка начинается с меткого замечания: «заботы об устройстве и приобретении новых колоний составляют выдающуюся черту новейшей иностранной политики главных европейских государств» [3, с. 419]. Затем говорится о занятии Германией Агро-Пекены, - одной из первых колоний империи в Южной Африке, - а также о двух проблемах вытекающих из этого факта: во-первых, о значении колоний для Германии; во-вторых, о реакции Англии.

Журнал высказывает по первому вопросу важную мысль, которую будет развивать в дальнейшем: «масса немецких эмигрантов, ежегодно выселяющихся в Америку и теряющих связи с родиной, давала бы сильный контингент для заселения самостоятельных колоний» [3, с. 419]. Касательно антипатичной реакции Англии, «Вестник Европы» прагматичен: «владычица морей не может допустить, чтобы Германия стала также, вслед за Францией, подрывать господство англичан в отдаленных краях» [3, с. 420].

Но гораздо более объемный пласт информации предоставлен в следующем, пятом томе журнала. Основные вопросы отражены в сентябрьском обзоре внешнеполитических событий: «Новые политические комбинации. - Колониальные вопросы в европейской политике. - Значение колоний для Германии» [4, с. 391].

Относительно политических комбинаций - впервые упоминается об удивительном сближении Франции и Германии - двух традиционных соперников [4, с. 391]. Об этой кратковременной конвергенции, в дальнейшем журнал будет сообщать с завидной регулярностью: в октябре [5, с. 832], ноябре [6, с. 401], декабре [7, с. 892] 1884 г., январе [8, с. 392], феврале [9, с. 862], апреле [10, с. 848], вплоть до охлаждения отношений следующей осенью [11, с.